

Омаръ, казалось, имѣлъ все то, что потребно къ щастію: молодъ, хорошъ и чрезвычайно богатъ; домъ его хотя и менѣе, нежели Калифовъ; но выстроенъ и украшенъ съ лучшимъ видомъ. Часто дома великихъ людей удовлетворяютъ больше гордости, нежели прямымъ выгодамъ. Но домъ Омаровъ все сіе соединялъ. Омаръ былъ всегда здоровъ, блисталъ живостью, удаченъ въ своихъ любовныхъ дѣлахъ, обожаемъ любимыми имъ красавицами. . . Какъ Омару не быть довольнымъ. Алія называющъ дуракомъ, говорилъ онъ, однако Абуденекъ можетъ быть не столько разуменъ, какъ объ немъ говоритъ. Я отъ его совѣсовъ никакой не получилъ пользы, да и не понимаю оныхъ. Испышаю; не сыщу ли я благополучія въ объятіяхъ Фатимы. Онъ пошелъ ее искать; плѣнясь въ скоромъ времени ею для нее только дышалъ. Онъ наслаждался всѣми сладострастіями любви, и пысчекрашно вопилъ: я щастливъ, Фашима! я съ тобою нашелъ и благополучіе.

По прошествіи трехъ мѣсяцовъ Омаръ почувствовалъ скуку и неудовольствіе. Весь Багдадъ завидовалъ ему, что онъ имѣлъ прекрасную Фашиму, а онъ завидовалъ всему Багдаду, что имѣетъ шолікое удовольствіе: присуствіе красавицы возобновляло юность стариковъ; а Омаръ потуплялъ печально въ землю глаза: краснѣлъ отъ удовольствія, когда молодые люди имѣли случай хотя слегка допронуться ея одежды. Тогда, ко-